

УДК 130.2

Д. Д. Овсяникова

(аспирант кафедры философии)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: dareyos@list.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНЫХ НОРМ

Аннотация. В статье исследуются особенности реализации механизмов сохранения значимого социального опыта и выработки форм исторической преемственности в свете проблемы культурных норм. Феномен культурных норм анализируется в качестве фактора, обуславливающего осуществление социально-исторической преемственности как противоречивого свойства, обеспечивающего, с одной стороны, развитие социокультурного целого, и с другой – сохранение его тождественным самому себе.

Ключевые слова: культурная память, культурные нормы, формы и механизмы преемственности.

Культура, аккумулирующая в себе значимый социальный опыт, возникающий в результате человеческой деятельности, нацелена на его фиксацию и трансляцию с тем, чтобы, учитывая все происходящие в обществе изменения, обеспечить воспроизводство основных проявлений социальной жизни. Процесс преемственности, сохраняющий в памяти культуры тот важный опыт прошлого и настоящего, который следует передать будущему, позволяет социальному целому, с одной стороны, создавать новые материальные условия существования и вырабатывать способы внутриобщественного взаимодействия, а с другой, в то же время воспроизводить себя на каждом этапе собственного развития, сохраняя неизменными свои существенные характеристики. Проблема осмысления особенностей организации и сохранения ценного опыта, позволяющего осуществлять сохранение целостности человеческого общества в истории, а также противоречивый характер самого процесса культурно-исторической преемственности обуславливают важность исследования его механизмов и форм реализации, фиксируемых в современной литературе понятием культурной памяти.

Введением термина «культурная память» в научный оборот философская мысль обязана Юрию Лотману – основоположнику структурно-семиотического подхода в изучении культуры.

В своих работах Ю. М. Лотман, понимая культуру в качестве знаковой системы, определяет её как «совокупность всей ненаследственной информации, способов её организации и хранения»: социально значимый опыт подлежит кодированию и переходит на хранение с тем, чтобы при определённых условиях быть вновь актуализированным [1, с. 395]. Так, культура как память реализует себя в качестве «текста» – сохраняемого и передаваемого закодированного сообщения, выраженного в некотором памятнике культуры – письменном источнике, обряде, ритуале и т. д. Помимо этого, подчеркивая надындивидуальный характер культуры, автор представляет её системой коммуникации, что также в обязательном порядке предполагает наличие общей памяти, поскольку без общей памяти невозможно существование общего языка [1, с. 616].

Тем не менее, рассматривая культурную память исключительно в рамках знаково-символической плоскости бытия культуры, Ю. М. Лотман тем самым сузил применимость разрабатываемого понятия.

В статье «Проблема культурной памяти как способ рефлексии над социальной формой» Т. Э. Рагозина ставит задачу реконструировать представление о культурной памяти, очистив облик исследуемого феномена от специфических особенностей семиотического подхода: «будучи *социальной* по своей природе и *надындивидуальной* по форме своего бытия, функционируя в качестве *негенетического механизма* отбора, сохранения и передачи социально значимого опыта, культурная память выступает как *способ сохранения прошлого в настоящем* и, следовательно, как *условие преемственности исторического процесса и единства человеческого рода*» [4, с. 45].

Рассматривая культурную память в качестве одного из основополагающих принципов, обуславливающих осуществление общественной жизнедеятельности, Т. Э. Рагозина в стремлении выработать всеобщее понятие культурной памяти, обращается к марксистской методологии, благодаря которой в исследовании автора культурная память осмысливается атрибутивным свойством общества как «органической системы»: «Культурная память есть не что иное, как *объективно существующее противоречивое свойство*, выражающееся в способности социокультурного организма воспроизводить себя в своей *тождественности, всеобщности, инвариантности* и одновременно продуцировать в себе самом (внутри себя) *различие, особенность, изменчивость*. Причём важно понимать, что это – не разные свойства, а именно *одно свойство, ... – свойство целостности* развивающегося во времени социокультурного организма» [2, с. 14].

Формирование всеобщего понятия, фиксирующего сущностные характеристики феномена культурной памяти, позволяет выработать ориентир для анализа частных, конкретно-исторических форм выражения данного феномена. Представляя собой механизм сохранения и передачи важного социального опыта, культурная память воспроизводит его на каждом этапе развития общества в различных формах, адекватных конкретным сферам человеческой деятельности: в сфере религии такими формами культурной памяти выступают обряд и канон, в политической и социальной сфере – нормы морали и права, в науке – идеи, понятия и теории, в рамках искусства – представления о художественном образе.

Однако такое представление порождает вопрос о том, какими качествами должен обладать сам социальный опыт для того, чтобы обусловить возможность своего сохранения и трансляции.

Движимые различными потребностями, стремлениями и целями, человеческие индивиды вынуждены согласовывать собственные действия с другими участниками коллективной жизни, что детерминирует необходимость выработки механизмов регуляции общественной жизнедеятельности – норм социального взаимодействия (читай – «культурных норм»).

Культурные нормы формируются как некий образец деятельности, устанавливающий структурные рамки в диапазоне между запретом и идеалом: фактически весь социальный опыт, вырабатываемый обществом, не только имманентно содержит в себе представления о норме, но является результатом реализации механизма упорядочивания в процессе общественного взаимодействия. Так, нормы культуры выступают, с одной стороны, в качестве результата общественной жизни, а с другой – его условия, поскольку именно упорядоченность человеческой деятельности,

порождающая возможность для последовательности и поступательности развития общества, является основанием исторического процесса – т. е. необходимой предпосылкой осуществления преемственности в культуре и обществе.

Т. Э. Рагозина в статье «Культурные нормы как формы развития истории: норма versus стереотип» через противопоставление культурных норм и стереотипов выделяет характерные отличительные особенности в портрете феномена культурных норм. Автор, обращаясь к проблеме сущности норм культуры, осмысливает их внутренне противоречивую социальную природу: «в них оказываются свёрнуты, с одной стороны, общественные отношения, являющиеся всеобщими формами (структурными рамками), в которых протекает общественно-историческая деятельность людей, а с другой – сама живая деятельность индивидов, обуздываемая нормами и приводимая в согласие с этими структурными рамками» [3, с. 132].

Подчеркивая объективный способ существования культурных норм, Т. Э. Рагозина указывает на то, что первоначально они реализуются, не представляя прямо и непосредственно «сознательные намерения людей, объединённых совместной деятельностью и обстоятельствами жизни», а являются опосредованным результатом их деятельности [3, с. 132].

Продолжая нить рассуждения, предложенную автором, можно предположить: если с одной стороны, выработка и реализация норм культуры является необходимым условием осуществления деятельности общества, но при этом, с другой – их формирование происходит, минуя сознание участников культурно-исторического процесса, то передача культурных норм, становящихся обязательным элементом человеческой истории, возможна только через фиксацию конкретно-исторического опыта, служащего их отражением и выражением. В конечном итоге, требующий сохранения «ценный социальный опыт» – это именно тот, который способен диктовать и устанавливать (продуцировать) границу между запретом и разрешением, высветить рамки, обозначенные нормами культуры в процессе создания устойчивых условий общественной жизнедеятельности.

Фиксированные моменты прошлого, сворачиваясь в формализованную структуру, воспроизводятся на новых этапах исторического развития, становясь постулированным образцом и очевидным для сознания руководством деятельности, аккумулирующим в себе представления о норме – формами культурно-исторической преемственности. Как пишет об этом Т. Э. Рагозина: культурные нормы, получая осмысление лишь задним числом, приобретают «своё формализованное выражение ... в рационально оформленных нормах морали, права, искусства, науки, производства и т. д.» [3, с. 132].

При этом еще одна существенная характеристика феномена культурных норм проявляется в том, что являясь «коллективно отлаженным механизмом и формой совместной деятельности людей», культурные нормы в силу своей текучей структуры обнаруживают способность к развитию, «которая изменяется вместе с самой общественной деятельностью» [3, с. 134]. Изменение культурных норм влечет за собой привнесение новых черт существующим формам или выработку новых форм культурно-исторической преемственности. В конечном итоге нормы культуры – сам факт их наличия и реализации – обеспечивают устойчивость деятельности людей и, воспроизводясь в качестве механизма культурной памяти, способствуют сохранению целостности общества; в то же время способность к изменению, заложенная в самой структуре культурных норм, становится фактором, продуцирую-

шим развитие социального организма. Опираясь в том числе на указанные функции и качества культурных норм, социально-историческая преемственность осуществляет себя как противоречивое свойство, обуславливающее, с одной стороны, развитие социо-культурного целого, и с другой, сохранение его тождественным самому себе.

Таким образом, формирование устойчивых условий для осуществления деятельности – первостепенный фактор, влияющий на существование и развитие общества, что предопределяет необходимость возникновения механизмов, сохраняющих и воспроизводящих рамки, формализующие социальную жизнедеятельность. Так, культурные нормы – неотъемлемая, имманентная процессу общественного развития составляющая, выражающая в себе суть специфической особенности человеческого общества. В то же время, будучи неосознаваемыми на первых этапах своей реализации, нормы культуры нуждаются в формализованном, рационально осмысливаемом выражении, обеспечивающем их фиксацию и воспроизведение – в данном качестве и выступают *всеобщие формы* культуры (такие как ритуал, канон, нормы морали и др.), вырабатываемые обществом как способ сохранения и трансляции системы регуляции человеческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : «Искусство – СПб», 2010. – 704 с.
2. Рагозина, Т. Э. Культурная память versus историческая память / Т. Э. Рагозина // Наука. Искусство. Культура. Научный рецензируемый журнал. – БГИИК. – Белгород, 2017. – Выпуск 3 (15). – С. 12-21.
3. Рагозина, Т. Э. Культурные нормы как формы развития истории: норма versus стереотип / Т. Э. Рагозина // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – Воронеж : ВГУИТ, 2015. – Вып. 4. – С. 127-136.
4. Рагозина, Т. Э. Проблема культурной памяти как способ рефлексии над социальной формой / Т. Э. Рагозина // Культура и цивилизация (Донецк). – ГОУ ВПО «ДонНТУ». – Донецк, 2017. – Выпуск № 1 (5). – С. 42-55.

D. D. Ovsianikova

(Graduate student)

Donetsk National Technical University
(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: dareyos@list.ru

HISTORICAL CONTINUITY IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF CULTURAL NORMS

Annotation. *The article examines the mechanisms of preserving and reproduction of social experience. The phenomenon of cultural norms is analyzed as a cause of socio-historical continuity. The author considers continuity as a contradictory property, which keeps the society identical to itself and ensures its development at the same time.*

Key words: *cultural memory, cultural norms, forms and mechanisms of continuity.*

Поступила в редакцию 12 мая 2019 года